

© 2013 г.

Юрий Князев

доктор экономических наук

главный научный сотрудник Института экономики РАН

(e-mail: kyuk151@rambler.ru)

ЕЩЕ ОДНА НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА ОПРОВЕРГНУТЬ ТРУДОВУЮ ТЕОРИЮ СТОИМОСТИ

Автор критически рассматривает основные положения статьи А. Орлова «От трудовой теории стоимости Маркса к новой экономической концепции, или о природной основе законов экономики», показывая их историческую и логическую несостоятельность и практическую бесполезность. Сравнительный анализ постулатов предлагаемой энергетической теории стоимости и соответствующих марксистских категорий приводит к выводу, что речь идет об очередной неудачной попытке найти замену трудовой теории стоимости, объясняющей реальный механизм рыночной экономики и капиталистической эксплуатации человека человеком.

Ключевые слова: трудовая теория стоимости, экономический энергетизм, эксплуатация человека человеком.

Трудовая теория стоимости зачастую подвергается критике. Сейчас появилась еще одна экономическая концепция, претендующая на сей раз на выявление природной (естественной) основы законов экономики. Близость экономики к естественным наукам обосновывается тем, что «фактическими источниками стоимости являются жизненные средства и энергоносители, которые извлекаются из природы, а в процессе производства расходуются и уничтожаются»¹. Автору процитированной статьи А. Орлову представляется необоснованным тезис классической политэкономии о труде человека как единственном факторе создания стоимости товаров. Он предлагает считать единственным источником стоимости не человеческий труд, а потребляемую человеком и животными пищу, снабжающую их энергией (жизненные средства), и другие энергосодержащие природные источники (энергоносители).

Человеческая пища в данной статье целиком объявляется даром природы, включая промышленные продукты питания вместе с их искусственно созданными компонентами. Жизненными средствами почему-то считаются только энергосодержащие продукты, питающие человека энер-

¹ Орлов А. От трудовой теории стоимости Маркса к новой экономической концепции, или о природной основе законов экономики // Общество и экономика. 2012. № 3-4. С. 101.

гией, а все остальные предметы жизнеобеспечения (одежда, обувь, жилище, мебель, бытовая техника, средства гигиены, образования и культуры) выносятся за скобки и отдельно не рассматриваются. Второстепенная роль отводится и средствам труда, поскольку они не являются энергоносителями, при этом они фактически сводятся к орудиям труда, потребляющим энергию, а предметы труда (материалы и другое сырье) вообще выпадают из анализа.

Не отказываясь от самого понятия «стоимость», упомянутый автор не конкретизирует ее смысл и не дает ей количественную характеристику, ограничиваясь лишь указанием ее материальных источников. Из текста статьи можно понять, что субстанцией стоимости является извлекаемая из природы энергия в различных ее видах, приводящая в действие станки, машины, тягловых животных и другие орудия труда, а также поддерживающая работоспособность людей. Сосредоточение стоимости только в энергоносителях, составляющих лишь небольшую часть валового внутреннего продукта, резко ограничивает стоимостные отношения и не позволяет объяснять все многообразие рыночных явлений и процессов.

Выдвигая концепцию энергетического происхождения стоимости, ее автор обязан по крайней мере предложить (чего он, к сожалению, не делает) единицу измерения овеществленной в товаре энергии (калорию, ватт или что-либо иное) и способ подсчета количества энергии в каждом отдельном товаре для определения его стоимости, денежным выражением которой является, как известно, цена, а именно выяснением ее сути и механизма формирования занимается в первую очередь любая теория рыночной экономики. Вопросы ценообразования и связи цен товаров с их стоимостью в статье полностью игнорируются.

А. Орлов ошибочно утверждает, что нет принципиальной разницы между работой человека и функционированием средств труда: «Для своего функционирования средства труда потребляют энергоносители, которые аналогично жизненным средствам расходуются и уничтожаются в процессе производства, совместно они представляют энергосодержащие продукты и реальную стоимость... С экономической точки зрения между работой человека и функционированием орудий труда принципиальной разницы нет, те и другие расходуют энергию за счет потребления определенных видов продуктов»¹.

Такой механистический подход не выдерживает никакой критики. Если в физиологическом смысле работа человека и лошади действительно идентична, так как представляет собой трату энергии, восполняемой принятием пищи, то с экономической точки зрения разница здесь прин-

¹ Там же, С. 108.

ципиальная – человек сознательно и целенаправленно трудится, чтобы создать новый продукт, а лошадь используется (эксплуатируется) им как подручное средство и собственного продукта не создает. Между работой человека и станка нет даже физиологического сходства, так как, потребляя пищу, работник создает условия не только для выполнения сиюминутной конкретной работы (тогда при сильном желании можно было бы провести формальную аналогию с расходуемой станком электроэнергией), но и воспроизводит свою рабочую силу, в то время как механическому орудю для работы необходимы, помимо получения энергоносителей, регулярный ремонт и иное техническое обслуживание, что невозможно без трудового участия человека.

Автор не утруждает себя прослеживанием процесса превращения энергии в стоимость и цену товара, а просто принимает за данность ныне существующие на рынке цены, издержки производства товаров, заработную плату рабочих, прибыль и капитал предпринимателя, не задаваясь вопросом, как все эти экономические категории соотносятся с энергией, то есть сколько ее содержится в каждой из этих денежных величин. Примерно так же поступают и неоклассики, предложившие вместо трудовой теории стоимости маржиналистскую теорию предельной полезности товаров. Но они по крайней мере пытаются найти способ измерения такой полезности в каждом товаре и выстраивают сложные схемы и математические модели учета ее при формировании цен в зависимости от платежеспособного спроса покупателей. То есть они признают реальные рыночные закономерности (в частности, зависимость цены от соотношения между количественным предложением товара и платежеспособным спросом на него), но не вникают в их суть и происхождение (генезис). Для них важны только практические последствия действия законов, заставляющие предпринимателей и торговцев соответствующим образом вести себя на рынке и даже прогнозировать возможные изменения рыночной ситуации.

Предлагаемая А. Орловым теория, которую условно можно назвать «экономическим энергетизмом», не имеет ясно выраженной практической значимости и не подтверждается ни исторически, ни логически.

Исторически человек начал трудиться, взяв в руки палку и камень, которые помогали ему в работе, но не требовали никакой другой энергии, кроме человеческой физической силы. Позднее были придуманы другие орудия труда, в разы увеличившие производительную силу работника опять-таки без участия посторонних энергоносителей – рычаг, блок и т.п. И только с созданием парового двигателя и современных станков и машин потребление ими тепловой и электрической энергии действительно стало обязательным условием их работы. Следовательно, объяснить появление стоимости продукта использованием дополнительной (помимо

человеческой) энергии и измерить эту стоимость потребленными калориями или ваттами невозможно в случаях, когда человек пользуется орудиями, не требующими привлечения дополнительной энергии.

Логически понятие меновой стоимости необходимо как мерило соизмерения при обмене товарами их разных потребительных стоимостей (именно *потребительных, а не потребительских*, как предлагает автор, так как первое прилагательное происходит от существительного «потребность», а второе – от слова «потребитель»). Если исходить из очевидной истины, что абсолютное большинство товаров не может создаваться без участия человеческого труда, то наиболее простым его измерителем является время изготовления продукта. Именно с учетом длительности трудового процесса первоначально обменивались разные вещи. Замена человеческого труда любой энергией (производимой лошадью или выделяемой неживыми энергоносителями) лишь запутывает проблему измерения стоимости и цены.

Следуя логике энергетизма, единственным источником энергии, создающей стоимость в таких случаях, служит человек, потребляющий калорийную пищу. Но тогда придется согласиться с классическим тезисом, что только человеческий труд, представляющий собой расходование физической, умственной и психической энергии, является первоисточником стоимости, а орудия труда, потребляемая ими промышленная энергия и другое используемое сырье (предметы труда) лишь переносят в ходе трудового процесса свою опредмеченную стоимость на готовый продукт. Если работник может создавать продукт и без участия орудий производства, то сами эти орудия без участия человека не могут создать никакой стоимости и даже самостоятельно потреблять энергию, сколько бы ее ни было в наличии. Именно поэтому трудовая теория стоимости ставит во главу угла труд работника и дает с этих позиций обоснование всем другим экономическим явлениям и процессам.

Если труд (первично вложенный или прошлый, содержащийся в использованных средствах труда) овеществлен в любом товаре и потому может служить мерилom стоимости, то энергия слишком разнородна и присутствует в каждом продукте в разной концентрации. Энергоносители состоят из нее целиком, средства труда ее не выделяют вовсе, а потребляемые человеком жизненные средства (пища) лишь частично расходуются при изготовлении продукта. Приобретаемые работником на его заработную плату средства существования необходимы ему не только для труда, но и для других целей, а также для содержания его семьи. Учесть долю энергии, расходуемую человеком только на создание какого-то продукта, невозможно. Если же учитывается вся затраченная работником за месяц энергия, соответствующая всем потребленным за тот же период

жизненным средствам, которые переносят свою суммарную стоимость на изготовленную продукцию, то в этом случае речь идет о месячной заработной плате как цене рабочей силы в ее классическом понимании, а не о вознаграждении только за вложенный труд. Точно так же затраты на приобретение средств труда, включая потребленные энергоносители, которые в стоимостном измерении не отличаются никакой спецификой, целиком входят в совокупные издержки производства. Иными словами, объявление энергии субстанцией стоимости ничего не меняет в понимании воспроизводственных процессов, впервые описанных классиками политэкономии с применением трудовой теории стоимости.

Большая часть анализируемой статьи посвящена критике основных положений первого тома «Капитала», которые целиком и полностью отвергаются с единственной целью – показать их ошибочность и расчистить путь к созданию альтернативной теории стоимости, отличной от трудовой. Нежелание понять логику трудовой теории стоимости, объясняющей не только принципы ценообразования, но и весь механизм капиталистического хозяйствования, начиная с исходной экономической ячейки – товара и заканчивая воспроизводством капитала, делает эту критику неубедительной. Причем, если другие авторы высказывают несогласие с марксистской и всей классической теорией, ставя под сомнение понимание ею трудового происхождения стоимости товаров и основанных на ней ценах, то в данном случае помимо этого отвергается важнейшее положение марксизма об эксплуатации труда капиталом. Человеческий труд не просто не признается единственной субстанцией стоимости товаров, но он полностью приравнивается к работе животного и неодушевленных средств производства, якобы вносящих одинаковый по сути вклад в создание стоимости, включая и капитал как самовозрастающую стоимость.

Начинается опровержение трудовой теории стоимости с отрицания двойственного характера труда, выступающего в двух ипостасях – труда конкретного и абстрактного: «Двойственный характер труда неизбежно тянет за собой вереницу мифологических характеристик: конкретный, полезный, производительный; прошлый, мертвый, старый, застывший; живой, новый, присоединенный; необходимый, оплаченный; прибавочный, неоплаченный; и т.д.»¹ Разбираться во всех этих терминах, каждый из которых носит свой особенный смысл, конечно, слишком муторная работа, легче их просто отвергнуть за ненужностью. Особому осмеянию подвергается труд абстрактный, или труд вообще, представляющий собой сгустки человеческого труда, образующего субстанцию стоимости, но, будучи абстракцией, такой труд, по мнению автора, вообще не

¹Там же. С. 103.

существует. То ли дело энергия, о которой кроме того, что она есть сила природы, читатель вообще ничего не может узнать!

Смысл трудовой теории стоимости в том и состоит, что она выявляет такую субстанцию, которая присутствует в любом товаре, сколь бы непохожим он был на все другие товары, и которая позволяет обменивать его на все другие товары, произведенные каким угодно конкретным трудом. Конечно, такой труд – абстракция, как и сама стоимость. Но это такая абстракция, которая хоть и неуловима, но характеризует количественно любой товар, в котором обязательно содержится человеческий труд как таковой.

Такую субстанцию можно условно сравнить, например, с понятием жизнестойкость, применимым к любому живому организму, но в разной мере в зависимости от его конкретного состояния и возраста – он может быть здоровым, временно больным, неизлечимо больным, находиться при смерти, и мера жизнестойкости в каждом состоянии разная, а после смерти ее не остается вовсе. С появлением (рождением) живого организма его жизненная сила не бывает всегда одинаковой и зависит не только от его генетики, но и от окружающей его среды. Он может сразу погибнуть или, наоборот, выжить и достичь своего апогея, но его состояние вечно варьируется между двумя полюсами – жизнью и смертью. Эти понятия абстрактны, в то время как живой и мертвый организмы вполне конкретны. Абсолютного измерителя жизнестойкости быть не может, так как нельзя предвидеть всех случайных угроз для живущего организма. Ее можно измерить только относительно при сравнении с другими организмами или с разными периодами жизни одного и того же организма. Подобно этому и стоимость товаров выявляется и измеряется только в процессе их обмена (сравнения друг с другом), когда устанавливается, чего реально стоит вложенный в их производство труд. Тем самым определяется в каждом товаре количество общественно необходимого труда, показывающее, насколько больше или меньше реально затраченного труда готов признать рынок, выполняющий, таким образом, роль важнейшего социального института.

У читателя «Капитала» может возникнуть вопрос, почему столь большое внимание уделяется в первом томе всесторонней характеристике товара в условиях простого товарного производства, когда его важнейшие свойства во многом отличаются от тех, которые проявляются в условиях развитого капитализма. Зачем, спрашивается, подробно растолковывать отличие меновой стоимости от потребительной и доказывать возможность ее измерения временем, затраченным на производство товара, если реальный обмен товарами, как говорится в третьем томе, осуществляется по рыночной стоимости, формирование которой зависит не от конкретно вложенного труда, измеряемого затраченным временем, а от соотношения между спросом и предложением товаров?

Во-первых, это сделано для того, чтобы читателю было легче понять используемые автором сложные экономические категории, которые до сих пор остаются для многих непонятными или произвольно трактуются противниками трудовой теории стоимости. Во-вторых, и это самое главное, монистическое понимание труда прослеживается в дальнейшем изложении всего аналитического материала, касающегося не только товарообмена, цен и денег, но и всех сторон функционирования капиталистической экономики, возникновения и воспроизводства капитала, его оборота и кругооборота, механизма эксплуатации человека человеком, ради отрицания которого и предпринимаются бесконечные попытки опровергнуть трудовую теорию стоимости.

«В действительности стоимость не абстракция, как предполагал Маркс, а объективная реальность, отражающая материальные затраты на производство конкретного продукта. Стоимость – это то, что стоит производство или во что обходится изготовление какого-либо блага как потребительской ценности»¹, – утверждает А. Орлов. Он, таким образом, призывает измерять стоимость товара затратами на его производство, которые практически нельзя оценить прежде, чем не будут выявлены сущность и количественные характеристики стоимости и основанных на ней цен. Кроме того, материальные затраты, как бы их ни понимал автор цитаты – затраченную энергию или израсходованные для производства деньги – только тогда равны стоимости товара, когда они в точности соответствуют полученной от его продажи выручке. Если же выручка меньше или больше затрат (что случается практически всегда), то и стоимость соответственно отклоняется от их величины.

Противники трудовой теории стоимости, указывая на ее слабые места, отмечали, что не все обмениваемые вещи реально содержат человеческий труд. Случайно найденный золотой самородок можно продать за цену, многократно превышающую труд того, кто поднял его с земли и принес на рынок. Популярным является мнение, что стоимость и цена товаров зависят от их редкости, от присутствия их на рынке в недостаточных или избыточных количествах в тот или иной момент. Такое мнение соответствует действительности, но оно никак не опровергает трудовую теорию стоимости, утверждающую, что рыночная стоимость, а следовательно, и цена зависят от соотношения между платежеспособным спросом и предложением товара на рынке. Последнее означает, что величину стоимости товара определяет не просто потраченный на его изготовление труд, а тот труд, который признается на рынке общественно необходимым. Следовательно, стоимость товара практически никогда не равна его

¹ Там же. С. 105.

трудоемкости, она либо меньше, либо больше реально затраченного труда и точно соответствует его общественной ценности, признанной на рынке по результатам товарообмена. Об этом подробно говорится в третьем томе «Капитала» К. Маркса, хотя уже в первом томе становится понятно, что не проданный на рынке испортившийся продукт не имеет никакой стоимости, сколь бы много труда ни пошло на его изготовление.

Любой производитель, чтобы не разориться и тем более чтобы получить прибыль, неминуемо держит в уме не просто величину затрат, а способность товара после его продажи возместить эти затраты, а в лучшем случае – превысить объем затрат и принести прибыль. Следовательно, он ориентируется на некую изменчивую абстрактную величину, которая реально проявляется только после обмена товара на деньги в виде либо убытка от его производства, либо прибыли.

Искусство бизнесмена как раз в том и состоит, чтобы предугадать соответствие своих затрат абстрактной стоимости продукта, чтобы его количественное предложение на рынке не превышало платежеспособного спроса покупателей. В стремлении как можно точнее предвидеть эти соотношения с учетом действий своих конкурентов предприниматель рискует своим капиталом и тем самым неосознанно влияет на формирование рыночной стоимости, которая складывается постфактум как равнодействующая всех влияющих на нее величин. Но и в этом случае меновая стоимость не отклоняется слишком далеко от среднего показателя вложенного в товар конкретного труда, так как все рыночные субъекты (продавцы, покупатели, предприниматели) заинтересованы в как можно большем соответствии их расходов и доходов признаваемым рынком величинам общественно необходимого труда. Длительный выпуск товаров, трудовые затраты на производство которых постоянно превышали бы размеры содержащегося в них общественно необходимого труда, нежелателен для предпринимателя и приводит его к неминуемому банкротству. Именно поэтому фактические затраты труда в среднем соответствуют меновой стоимости, которая, будучи абстракцией, реально воздействует на формирование цен и других стоимостных категорий.

А. Орлов предлагает собственные схемы воспроизводства общественного капитала и использует в них рыночные цены, никак не обозначая, как в этих ценах количественно отображается энергия, затраченная на производство разных товаров. Энергетическая концепция заставила дополнить схему воспроизводства, включающую, как известно, два подразделения (первое – производство средств производства и второе – производство предметов потребления) третьим подразделением – производством энергоносителей. Если второе подразделение осталось без изменения и получило лишь новое название (жизненные средства – ЖС), то первое

поделено на две части – средства труда (СТ) и энергоносители (ЭН). Выделение производства энергоносителей в самостоятельное подразделение привело к их произвольному исключению из средств труда, которые выполняют единую функцию – служат материальной основой для производства предметов потребления. С точки зрения переноса опредмеченной стоимости на товар их функция также едина и никакой спецификой энергоносители в этом отношении не обладают. Логичнее было бы разделить первое подразделение на орудия труда и предметы труда (сырье), так как вторые расходуются целиком и переносят на произведенную продукцию всю свою стоимость, а орудия труда – лишь амортизированную ее часть. Отнесение производства энергоносителей в особое подразделение понадобилось для того, чтобы нагляднее объяснить создание стоимости и прибавочного продукта не производительным трудом человека, а участием в производственном процессе энергоносителей: «Именно вследствие использования энергосодержащих продуктов, извлекаемых из кладовой природы, результат по производству оказывается, как правило, выше величины совокупных затрат, а совсем не по причине недоплаты наемному работнику за его труд, то есть несправедливого распределения вновь созданного продукта»¹.

Утверждение, что при использовании природных энергоносителей производится продукции больше, чем затраты на их извлечение, остается бездоказательным. Предлагаемый ответ «извлеченная же тонна угля должна содержать большее количество энергии по сравнению с затраченной величиной (иначе нет смысла для ее добычи)»² великолепен по своей простоте, но ничуть не убедителен. Во-первых, энергия, добываемая для собственных нужд (не на продажу), точно соответствует затраченной, а смысл этого действия очевиден: чтобы просто обогреться. А во-вторых, откуда берется приращение энергии при ее использовании и не противоречит ли это закону сохранения энергии – энергия никуда не исчезает и не возникает из ничего?

Истинную причину самовозрастания стоимости объясняет как раз трудовая теория. Производительная сила труда изначально превосходит возможности удовлетворения потребностей самого работника. Она обеспечивает содержание не одного, а нескольких человек (всю семью работника), а при повышении производительности благодаря большей технической оснащенности труда способна создавать бесконечно увеличивающийся объем продукции. В развитых странах до 5% сельского населения обеспечивают питанием остальные 95% жителей. Именно благодаря этой

¹ Там же. С. 113.

² Там же. С. 109.

способности труда к производительному приращению продукта стало возможным создание прибавочной стоимости. Необходимый труд работника обеспечивает воспроизводство его собственной рабочей силы, а прибавочный труд создает дополнительный продукт, которым распоряжается собственник капитала. Часть прибавочной стоимости может пойти на увеличение заработной платы наемных рабочих, в результате чего повышается стоимость их рабочей силы, а другая часть в виде прибыли капиталиста идет на расширенное воспроизводство капитала и на текущее потребление предпринимателя и его семьи.

Следовательно, создание прибавочной стоимости и ее распределение происходят по-разному: создается она благодаря высокой производительной силе труда, а распределяется по законам расширенного воспроизводства как наемной рабочей силы, так и капитала. Но поскольку в жизни прибыль предпринимателей и их богатство растут абсолютно и относительно несравнимо быстрее благосостояния трудящихся, то имеет место очевидная эксплуатация первыми последних. В этом нет ничего зазорного, но такова сущность капитализма, обеспечивающего постоянно возрастающую производительность труда и высокую экономическую эффективность, но страдающего очевидным дефицитом справедливости. Речь идет не о «недоплате наемному работнику за его труд», а об эксплуатации рабочей силы, осуществляемой в полном соответствии с законами рынка (обменом равных стоимостей – рабочей силы на средства ее воспроизводства). Совершенно очевидно, что собственники капитала не могли бы извлекать прибавочную стоимость и получать прибыль, если бы они не пользовались трудом наемных рабочих. Поэтому рабочие так же, как и капиталисты, имеют право на получение своей части прибыли, ибо вся она может сформироваться только в ходе совместного трудового процесса, а не благодаря использованию энергосодержащих продуктов, которые сами по себе, без участия человеческого труда не способны что-либо создать и самопроизвольно выделяют энергию лишь при самовозгорании леса, торфяников, угля, нефти и газа.

Предложенная в статье схема воспроизводства израсходованного продукта и образование дополнительного продукта в материально-вещественной форме не является полной. В подразделении III в производстве участвуют только жизненные средства (ЖС3) и энергонисители (ЭН3), которые создают жизненные средства только для первого подразделения (ЖС1). Непонятно, почему в производстве не принимают участие средства труда (СТ), без которых оно невозможно. Непонятно также, почему в третьем подразделении создаются жизненные средства (ЖС1) только для первого подразделения, хотя в них нуждаются второе и третье подразделения. Те же вопросы возникают и по производству во втором

подразделении, которое почему-то создает энергоносители только для первого подразделения (ЭН1). В предлагаемой схеме показан, таким образом, процесс воспроизводства не всего общественного капитала, а только его части, относящейся к созданию только средств труда, но без участия самих этих средств. Однако и в этом случае такие исходные материально-вещественные факторы, как средства труда и не производящие энергию жизненные средства (одежда, обувь, мебель, бытовая техника), исключены из воспроизводственного процесса только на том основании, что они не являются энергоносителями и якобы не участвуют в создании стоимости. А одновременно с этим из него исключен работник и его труд, благодаря которому из предмета труда (сырья) с помощью орудия труда только и может быть создан новый продукт.

Но настоящим фокусом выглядит в схеме превращение жизненных средств, предназначенных для первого подразделения, в средства труда для третьего подразделения, а также энергоносителей для первого подразделения – в средства труда второго подразделения. Во-первых, не ясно, почему дело происходит именно так, а не наоборот, то есть почему ЖС1 не превращается в СТ2, а ЭН1 не превращается в СТ3. А во-вторых, не объясняется, как с помощью жизненных средств и энергоносителей без участия средств труда (они не фигурируют в левой половине схемы) производятся средства труда для второго и третьего подразделений, а затем и для первого подразделения, но уже как какой-то вторичный дополнительный продукт. Если стоимость как абстрактная величина может переноситься с одного конкретного продукта на другой и аккумулироваться в нем, то в материально-вещественной форме превращение жизненных средств и энергоносителей в орудия труда и сырье никак невозможно без участия человеческого труда, вооруженного средствами производства.

Более реалистичной выглядит схема воспроизводства общественного капитала по стоимости. В ней показано, что «энергосодержащие продукты уничтожаются в процессе производства средств труда, «передавая» им свою стоимость»¹. Но эта «переданная» стоимость никак не проявляется впоследствии, ибо вновь произведенные средства труда не являются энергоносителями. Не обладая стоимостью, они тем не менее имеют цену и учитываются в производственных затратах. А это значит, что реальное воспроизводство общественного продукта происходит по обычной классической схеме, которую А. Орлов вынужден невольно учитывать, так как ограничиться кругооборотом только энергии и энергоносителей он при всем желании не может.

¹ Там же. С. 115.

Проведенное нами сравнительное рассмотрение наиболее значимых аспектов проблематики стоимости товаров и воспроизводства общественного продукта подтверждает искусственность и практическую бесполезность энергетической концепции, являющейся очередной неудачной попыткой найти замену трудовой теории стоимости.

К. Маркс в «Капитале» дал глубокий и всесторонний анализ современного ему капиталистического строя. Были выявлены закономерности и механизмы капиталистической системы хозяйствования в той мере, в какой это проявлялось тогда на этапе завершения формирования ее сущностных начал. Впервые в экономической науке появилась обобщающая характеристика этой системы (до этого она описывалась фрагментарно, иногда не адекватно, без понимания многих социальных взаимосвязей ее основных элементов).

Признавая весьма ограниченные возможности научного анализа вообще, «обреченность» К. Маркса на исследование лишь исходных позиций развития капитализма и признавая неизбежность схематичности и даже некоторой примитивизации представлений о движущих силах и критериях этого развития, необходимо подчеркнуть, что К. Марксу удалось создать теорию, в основном достоверно объясняющую существовавшие реалии. Гораздо более спорным является вопрос о том, насколько удалось К. Марксу заложить основы реалистических представлений о будущем развитии капитализма. Огромный ущерб науке и общественной практике нанесло упорное стремление большинства последователей К. Маркса трактовать его положения как догмы, не подлежащие разумному, объективному критическому анализу и избегать чем дальше, тем больше сопоставления этих положений с ходом общественного развития. Это затормозило познание реалий постмарксовского времени, наложило негативный отпечаток на разработку стратегий борьбы за общественный прогресс.

Тем не менее экономическая наука не стояла на месте. В ходе ее развития исследовались существенные изменения, происходившие в экономике под влиянием научно-технического и социального прогресса. Осмысление новых явлений и процессов, менявших прежние представления об исследуемом предмете, приводило к критике многих положений марксистской теории и формулированию иных методологических подходов, позволявших анализировать теоретические проблемы в более тесной увязке с новыми процессами социального развития. К сожалению, это в наименьшей мере проявлялось в работах «последовательных» марксистов.

В то же время потребности и науки, и политической практики подталкивали к формированию новых представлений, корректировавших ряд положений марксизма и к концентрации внимания на проблемах современности. Не все новые концепции оказывались достаточно обосно-

ванными, но они осветили те стороны экономической жизни, которые нельзя было игнорировать в процессе научного познания современных механизмов капиталистического хозяйствования. Например, потребности практикующего бизнеса и желание с математической точностью описать закономерности экономических процессов, прежде всего ценообразования, побудили неоклассиков отвергнуть трудовую теорию стоимости и предложить маржиналистскую теорию предельной полезности. Вместо марксового понимания рыночной стоимости как некой абстрактной и неуловимой категории, объясняющей лишь суть формирования цены как денежного выражения стоимости, но практически мало полезной в жизни, маржиналисты за основу ценообразования взяли фактические затраты на производство последнего (предельного) товара, проданного по данной цене. В этом случае цена все равно устанавливается в зависимости от соотношения между предложением и платежеспособным спросом, но одновременно эта теория уходит от оценки роли труда не только в ценообразовании, но и в создании прибавочной стоимости, а следовательно, и в понимании основы функционирования капиталистической экономики.

Процесс развития экономической науки служил лучшему пониманию объективных закономерностей развития экономики и социально-экономических основ нынешнего капиталистического общества. В наиболее развитых странах вместо хаотичного рынка свободной конкуренции утвердился социально-регулируемая рыночная экономика. Но надо подчеркнуть, что и в ней продолжают действовать изначальные рыночные закономерности, а цены объективно устанавливаются в зависимости от соотношения между спросом и предложением на товары и услуги с той лишь разницей, что и спрос, и предложение, и инвестиции, и многие другие ценоопределяющие факторы испытывают воздействие со стороны государства, проводящего свою экономическую и социальную политику. Но эта теория должна исходить из того, что любые прежние теоретические постулаты, в том числе и положения марксизма, могут быть скорректированы или опровергнуты только при появлении подтверждаемых практикой и логически обоснованных построений.

Теорию Маркса можно упрекать в том, что она устарела, не всегда соответствует нынешним реалиям, не смогла правильно предугадать будущее, но она по-прежнему остается образцом цельной, комплексной, всеохватывающей, пронизанной единым стержнем мыслительной деятельности. Это должны учитывать новые научные школы, предлагая собственные исходные парадигмы и занимая свое место в общей экономической теории.